

Начну я сказкой: «Давным давно, в одном царстве — тоталитарном государстве...» Очень давно это было. Еще когда вода в Байкале была чиста как слеза — нет, чище! Как хрусталь! А на страницах советских газет в это время не стихала бурная дискуссия о предстоящей судьбе великого сибирского озера. Даже президент США не выдержал и подключился к дискуссии — вот, мол, не думают коммунисты о том, что озеро достоинство всего человечества, Байкал крупнейшее на планете хранилище пресной воды.

Итоги? Они обычны. Газетная буря позабыта, в Байкаледохнут последние тюлени, а президент давно на пенсии. Да что президент... Эка невидаль! У нас их сейчас целая куча.

Но в ходе бурных перепалок мы узнали: самый крупный в мире пресный водоем — Байкал. А кто же младший брат его? Где он — второй «колодец» Земли? Ну-ка, рыбаки и охотнички бывалые, экологи неподкупные и прочие браконьеры, кто ответит на этот вопрос? Кто там сказал: Красноярский край, озеро Хантайское? Bravo! Молодец! Вы заслужили путевку на Красное море, в знаменитую Хургуду. Но с посадкой не торопитесь. Возможно, когда вы прочтете этот очерк, дорога у вас будет другая.

Итак, озеро Хантайское. Это имя дали ему русские. Древнее имя — Пайторма, что в переводе с языка эвенков означает: «Место, где растут большие деревья, из которых можно сделать много полезных вещей». Длина — 132, ширина — 18 километров, глубина местами до 400 метров. Много островов. Хантайское в первой пятёрке самых глубоких озер страны.

Если на катере пойти на север, то берега будут постепенно подниматься и превратятся в ленту гор, которые порой покажутся стеной, сложенной из камня. А внизу, у подножья гор и скал, стоят — и это чудо! — высокие сосны. Но вокруг-то тундра!

Красота его своеобразна и ничуть не уступает великолепию Байкала.

Советую в северо-восточной его оконечности (оно почему-то здесь именуется «Штапами»), остановиться хотя бы на денек. Тут оба берега словно сходятся и горы, до них рукой подать, будут вокруг вас. Как в зеркале, отражаются в воде и скалы, и деревья. Тишина первозданная. Стоит прилечь на песок, как рядом обязательно появится любопытный суслик, а за ним и бурундучок. Очень возможно, что прилетит и капалуха. Всем им очень интересно, так как

человека они видят редко.

Маленький тупичок на далеком озере... Он останется с вами на всю жизнь. Это и есть богатство, ибо дорожки ничего нет, этого не отнять никому.

Если же вдоль ручья, что спешит к озеру, пойти по течению вверх, то часа через три вы войдете в мир совсем другой — в царство грандиозных водопадов. Они почти неизвестны. У них даже имени нет! В облаке брызг и вечной радуге падают с высоких скал тысячи тонн хрустальной воды и несут с собой на отмель осколки хрусталя и светлого аметиста.

Вода, наполняющая озеро от чистейших снегов — значит целебная, иссушая живым клеткам омоложение, бодрость и силу. Она проходит через лучшие в мире фильтры — мхи тундры. Преодолевая по дороге к озеру сотни километров, она уснащает настояться на брусничке с голубикой. Такой водой наполнить бы танкеры, но бережно, не потеряв ни капли, и выдавать бы всем болезным россиянам по литру. И ушли бы болезни!

Озеро Хантайское... И радость, и боль моя.

Лет шесть назад мне пришлось побывать в поселке с названием «Озеро Хантайское» — стоит он на

самом берегу озера. Всего там домов пятнадцать-двадцать, может и того меньше. Среди своих северных «собратьев» вид имеет довольно опрятный. Слегка удивил, правда, общественный туалет: деревянный большой, очевидно, рассчитанный на весь поселок, стоял на довольно высоких сваях. Этакая северная избушка на курьих ножках. Позже понял — поселку не до русского фольклора. Стоки — вот его проблема. А еще привлекали внимание огромные железные баки вровень с домами. Местный житель охотно объяснил:

— У нас тут вода больная, зараженная. Она отравлена давно, стоки и все такое...

— В озере Хантайском больная вода?! Да она же — хрусталь!

— Там, подальше — хрусталь. А у поселка — больничный лист.

Парадокс! Из тундры везут в цистернах воду, чтобы наполнять баки. На второй день, на берегу я увидел как в лодку с движком, такую тут имеет каждый, набросав ворох пустых канистр, уехали две молодухи.

— Интересно, куда это они! — подумал я. — Если отправились только женщины — значит, работа предстоит физическая. — (Север я немного знаю). Взяв с места в карьер, лод-

ка лихо устремилась вдаль и вскоре исчезла за островком.

— Видать, чайком захотел побаловать себя хозяйин... Как бабы-то его рванули! Не догонишь...

Словно мне отвечая, сказал сидевший на перевернутой лодке пожилой мужчина вида рыбацкого — кострового, насквозь прокуренного.

— А разве в баках воды уже нет? Кончилась?

— Почему кончилась? У нас за этим сейчас следят. Да для чада она все же не то... Вроде как ржавчиной отдает. Или железом. А там — свеженькая...

— И далеко за ней плыть?

— А это кому как. Как говорится, выбирай по вкусу! Кто километра за два уже черпает, а кто и за все десять... Я, дак отсюда пью...

И он плюнул в озеро, чтобы точнее мне показать, откуда он берет воду на чай. Так мы и познакомились. А через пару дней, когда я уезжал, он принес мне большой пакет только что наловленной корюшки. Это деликатес — рыбка вкусная, нежнейшая. Я бросил в пакет добрую пригоршню соли. Все же, впереди дорога...

— Что ты будешь дома с ней делать?

— Да еще чуть подсоллю! Такая рыбка для малосола хороша.

— Тогда вот что: перед тем как съесть, разрежь каждую вдоль хребта и осмотри разрез хорошенько. Мало ли что...

— А что я должен там увидеть? — Разрежь — сам поймешь!

Дома, в Красноярске, я бережно, как гурман, переложил подарок в стеклянные банки. А вскоре и slučaj подходящий представился — на столе южанка «Минуса» с нетерпением ждала встречи с северянками. И я открыл холодильник...

Выбирая рыбку покрупнее, вдруг вспомнил загадочную фразу старого рыбака: «Разрежь — узнаешь сам...» Насмешливо улыбаясь, тоже мне «прорицатель», все же лезвием ножа провел по спинке жирной корюшки. Развернув распластованную рыбешку, взглянул на разрез — и ахнул! Белыми зернами риса казались вкрапленные личинки паразита. Из каждого десятка рыб — четыре зараженные. Говорят, при тщательном прожаривании или долгой варке такую рыбу есть можно. Но я ее выбросил. Всю!

Это, конечно, хорошо, что в поселке о здоровье людей думают — привозная вода, туалеты на сваях... Но ведь надо спасать и озеро. Второго такого в мире нет! Еще не поздно! И, главное, сделать-то надо совсем немного. Первое, все тамошние поселки на берегу, а их раз-два и обчелся, перенести от озера подальше. Затрат — копейки.

Второе — запретить порубки уникального реликтового леса, который, подобно сказочному чуду, вдруг вырос у живой воды. В этот лес академиком бы со всего мира присажать, да с лупой в руке каждую сосну изучать, над загадкой планеты голову ломать: как в тундре, на вечной мерзлоте поднялись эти гигантские деревья? А тут их, трудно поверить, рубят... на дрова! И третью — выгнать взаперть всех искателей нефти — и своих, и зарубежных. Они уже давно у озера шныряют. Говорят, под его дном лежит озеро иное, ничуть не меньшее — нефтяное.

Ну, напоим мы миллион зарубежных автомобилей. Ну, положит наш очередной олигарх миллиард в швейцарский банк. А пить-то что будем? Сегодня в знаменитых Арабских Эмиратах, стране миллиардеров, стакан родниковой воды стоит дороже канистры первоклассного бензина.

Озеро Хантайское... Колодец во дворе родного дома. Да вот хозяина в том доме нет.

Вадим ФЕДОРОВ